
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УЧИЛКИ, ДОНОСЧИКИ И БЛОКЛЯЙТЕРЫ: В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА*

◆ Наступила вторая половина хмурого в этом году декабря. В Америке все дороги замело снегом, в Европе холода, а у нас чисто осенняя слякоть. Затянувшаяся осень — как в природе, так и в жизни на 1/7-й, уже четверть века как не 1/6-й части земной суши. То есть слякотное безвременье, выстроенная чиновничья вертикаль власти. Последнее — по сравнению с лихими девяностыми — может, и лучше. Здесь эта самая власть, несомненно, права. Однако, скучно. Тем более, несменяемость летнего и зимнего времени и без того короткий световой день свела к минимуму: выходишь из дома на службу затемно, возвращаешься — то же самое.

По закону Архимеда — если где убыло, то в другом месте прибыло. Если Россия и Украина еще, по старой памяти, суть две трубы, в том числе газовые, то этот древнегреческий закон исполняется стопроцентно. У нас осенне-зимняя вялость, а в Киеве народ веселится на Евромайдане. Никак не успокоятся «заходники» из Львова, Ивано-Франковска и Тернополя.

Но то — высокая политика. Игорь же Васильевич готовился к скорбной в его жизни дате: завтра исполняется ровно год с начала его университетского импичмента. Еще ранним вечером отключил все связи с миром: свой мобильник, домашний телефон и, на всякий случай, домофон. Вдруг, как год назад, кто-то в ночи позвонит и снова скажет изоцренную пакость? Посчитав, что опальный профессор еще легко отделался, в общем-то, сохранив свое *status quo* в университете.

Да Бог с ними... или Антихрист скорее. Все одно супротивников Игоря Васильевича кто-то из них накажет. Вернее, уже начал наказывать. Знал еще сызмальства, что кто-то из высших, что на небушке, не позволяет его безнаказанно обижать. Уже взрослым Игорь Васильевич даже опасался этой опеки. Подумаешь, не отдал мелкий долг («На бутылку дай, Васильич, трубы горят; вот ей-ей завтра-послезавтра сам тебе на дом принесу...») шапочный знакомый, а в комсомольско-половой зрелости из-за девичьей приязни двое на одного с кулачками кинутся... — Так зачем же так сурово с ними поступать верховному смотрящему? Зачем неисправного должника трех рублей (время советское) сразу в ЛТП** на два года определять, хотя бы и для его пользы? А про кулачных бойцов и вспоминать неприятно... Жалко их.

Игорь Васильевич, научный атеист, просил Бога быть снисходительным ко всем десяти, голосовавшим супротив него. Жалостлив был Игорь Васильевич. Щеку, конечно, не подставлял правую после битья по левой, сам мог уложить на асфальт обидчика, но полагал, по своему староверческому и военно-морскому воспитанию, что обидевший его и сам обижен.

* Первая мысль — от Бога — гласит народная присказка, поэтому, чтобы не переходить к мысли второй, что, согласно той же присказке, от дьявола, автор позволил себе «роскошь» в качестве «Колонки» взять главу из своей книги (Яшин А. А. Административный восторг, или картинки с выставки. — М.: «Московский Парнас», 2014) — как раз по задуманной теме: дичайшая бюрократизация нашего высшего образования как метод его добывания...

** Для нынешних поколений, которые, кстати, печатные книги и в руки не берут: ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий с тюремным режимом.

◆ В начало ночи на хмурую годовщину не спалось. Лежал на диване, смотрел, не вникая в суть дела, любимый пятый канал, он же ленинградский, он же бессмысленно-детективный. В ногах миролюбиво дремал личный кот. Кстати или некстати, мысли обратились к прекрасному полу, представленному на их факультете и в целом по университету диковинным паноптикумом, укрупнено поделенном на младший административный каганат — не по национальности, конечно, но по повадкам — и училок. Впрочем, сейчас и мужики в доцентских и профессорских липовых званиях — те же самые училки...

Про администраторш — от секретарш до деканантских — и говорить нечего: смесь самок хамелеона и базарных баб. Училок при их внешнем разнообразии объединяет, как социальный класс, одно: от окончания аспирантуры, которая сейчас выполняет только роль остепенения будущих училок, и до выхода на заслуженный отдых все они на лекциях тарабанят раз наизусть выученный учебник по конкретной тоже раз навсегда избранной дисциплине. Какой? — А куда их деканат определит.

В принципе ученые степени и звания им, как козе баян, все одно никакой наукой они и в страшном сне не помышляли заниматься. Просто в начале девяностых годов, когда никому никакого дела не было до степеней и званий, число диссертационных советов в России выросло на порядок, а то и выше: каждый новоиспеченный «универ», доселе бывший захудалым провинциальным «педом», а то и вовсе коммунально-строительным техникумом, постарался — в отсутствии всякого ВАКовского и минообразовского контроля — обзавестись двумя-тремя советами, а то и десятком. Началась штамповка «ученых» кадров. Во-первых, чтобы училки вовсе не разбежались без доплаты за степень; во-вторых, чиновники минообразования приняли раз и навсегда историческую доктрину: без степени преподавание запрещалось. Исключение временно допускалось для физкультурных училок. По понятной причине.

...Еще олигархеры и братки не завершили первый передел собственности, как число доцентов и профессоров по стране выросло в 6—8 раз. Поскольку во столько же раз возросла и численность университетской администрации, то за полным отсутствием какой-либо научной работы, первая активно занялась бумаготворчеством, а бедных училок совсем заморили. Кстати, вспомнил Игорь Васильевич сегодняшнее электронное письмо от хорошо знакомой московской профессорши, часто печатавшейся в его «Феноменах разума: XXI век». Марина Петровна — прежней, советской закалки, не из числа училок, но и ее загнали за Можай бумагосочинительством. Пишет она ему: «Доброе утро, Игорь Васильевич! Мы тоже куем педагогических кандидатов. В следующую среду у нас в совете три защиты. Тут Вы впереди: пять за один день!

Однако большая часть времени уходит на составление бумаг. Теперь вместо УМКД (не к ночи будь помянут) пишем Рабочие программы и Фонды оценочных средств (ФОС), а еще массу бумаг в новом формате типа Программа вступительных экзаменов, Программа ГИА с компетентностным подходом, Программа научно-исследовательской работы магистранта и прочее, что ранее было, но не требовалось, чтобы обязательно на каждый шаг и в четко определенных словах, например, убрали из документации слова «сотрудники», «студенты», вставили «работники», «обучающиеся». Да чтоб форматирование (поля, нумерация страниц) было у всех одинаковым. С другими полями документ не принимается. Словом, чиновникам университета есть работа. Беда в том, что эту работу выполняет рядовой заведующий кафедрой. Потому нет ему времени обдумать, какой новый ход совершить в занятии со студентами. Нет времени на статьи и монографии, на чтение книг. Об отдыхе и семье вообще не говорю. Это явно лишнее».

...Кстати, поскольку даже липовые диссертации по физике, математике, меди-

цине и биологии, философии и пр. требуют непосильных для училок мозговых напряжений, то в те же «лихие девяностые» — не только в бандитском предпринимательстве — ввели в обиход такие отрасли диссертационных знаний, как политические и социологические науки, то есть пустопорожнюю говорильню. Но — мысли Игоря Васильевича снова вернулись к портретам знакомых ему факультетских училок. Почти все они замужем, но опытные сторонние люди, например, встречные на улице, особенно из мужиков-«ходоков» и офисно-конторских бабенок бальзаковского возраста, не задумываясь, мимолетно оглядев училку, автоматически отмечают: старая дева всего-то в сорок лет! Ибо таковую всегда выдает обувь: часто не совсем по сезону и монашески стоптанная. Не потому что в деньгах нуждается, а не следит за собой. Главное — на низких каблуках, ибо по восемь часов в день они стоят у аспидной доски с мелом в руке или прохаживаются между рядами столов с дремлющими от скуки студюозусами. А такая жизнь на ногах даже при среднем каблуке приводит к учительскому профзаболеванию: артриту в разных его вариантах. И вообще вся их одежда — преждевременная по возрасту. По причине вечной озабоченности, некогда, да уже и не хочется, походить по супермаркетам, армянским дворцам-магазинам, а утром с полчаса постоять дома перед зеркалом — макияж навести...

Еще сложнее представить университетскую училку, даже самого женского сексуального возраста — без стольких-то сорок — в постели. Конечно, с законным мужем, в самом крайнем случае — с постоянным сожителем, ибо на любовников у нее нет ни времени, ни особого желания: все мысли об успеваемости студентов и всепоглощающей отчетности перед деканатом и учебно-методическим управлением.

Лежит такая, без одежды даже и красивая, женщина в постели молча и недвижимо, со скорбным выражением лица и наморщенным лбом — размышляет об учебном процессе и промежуточной аттестации второкурсников по стобалльной, болонской системе. А мужик ее трудится, уже второй пот со лба тыльной стороной ладони смахивает, она же все молчит и молчит.

И вот он — момент истины, сам мужик уже застонал-замычал сладострастно, а тут мобильник супружницы запел-зазвенел, она же змеей шасть из-под разгоряченных шести пудов и опрометью к серванту с телефонным прибором!

— Ты что, дур-ра!

— Ой, Вась, наверное, из деканата звонят по расписанию на следующий семестр!

— Посмотри на часы, — орет взбешенный донельзя супруг, — начало двенадцатого ночи! Весь кайф испортила, дурица педагогическая!

Пойдет мужик на кухню, достанет из холодильника бутылку, хлопнет пару стопок, задумается: не пора ли начать похаживать к Верке, цеховой их нормировщице; красивая девка, так и льнет к нему, самому видному начцеха на заводе... Кстати, вспомнил и сегодня слышанный анекдот, как сваты деревенские расхваливали в доме невесты конюха Петьку: смирный он у нас. Не пьет, не курит, по девкам не шляется, а с печи столетняя старуха шамкает: «Не дурачок ли ён у вас?»

Так и здесь, только наоборот — он и она.

◆ Василий-то, вне всякого сомнения, объект кейфования своего быстро найдет: еще пару-тройку раз его училка выскользнет из-под него в полночь на зазвеневший мобильник, начнет заглядывать после работы к любвеобильной Верке. Совещались, мол, в дирекции допоздна. А порой будет уезжать в командировку на субботу-воскресенье... со смежниками в Орле надо поработать над планов громадьем. Супруга и слушать не будет, своих дел в универе хватает, да и отвлекаться на готовку мужу не надо. Довольны оба, тем более, долг перед обществом исполнен: дочка в школу ходит.

Избавилась училка от супружеской доуки, зато в университете, в главном корпусе, выселив в полуподвал кафедру электрохимии, образовали сразу два новых отдела, а над ними — управление по инновациям в учебные методик с соответствующим менеджментом контроля над сочинением и внедрением этих самых методик. Все училки ахнули в непритворном ужасе: заново переписывать-переделывать всякие рабочие программы, учебные комплексы, тесты и методички.

Но если раньше, понимая, что все эти талмуды никто и никогда не раскроет, просто перепечатывали титульные листы, подписывали в Главном у всяких служб и сдавали на хранение кафедральной лаборантке Галочке, то теперь во вновь созданных отделах и управлении ввели должность читалок, которые, по мере вычитки, расписываются в низу каждой страницы!

...Да еще вдобавок негласно объявили месячник взаимных доносов. В целях укрепления дисциплины и во исполнение последних указов Госдумы о ликвидации в госучреждениях случаев пьянства, курения, матерного словоизъяснения. А по филологическому факультету еще и изъятия из любых платных и электронных тестов вполне пристойных аналогов матерных слов. И даже ранее, при царях и генсеках, не вызывавших подозрений эвфемизмов, например, второй буквы алфавита с многоточием. Опять-таки в наш век всеобщей толерантности и межнационального уважения не побоялись покуситься на языковое богатство братского татарского народа, в языке которого это самое слово, начинающееся со второй буквы русского алфавита, является вполне литературным, хотя бы и в несколько иной фонетико-грамматической форме. И есть самоназвание первой древнейшей (вторая — газетная журналистика).*

...Так и не мог понять Игорь Васильевич: запрещена ли у нас в стране проституция? Вроде как не было такого указа. Тем обиднее для девушек-женщин, которых в просторечье именуют словом на вторую букву алфавита: любвеобильность-то никто не запрещал и никогда не запретит. Ведь мужики — биологически полигамны. Даже крыса имеет право на двух самок. Законы же биологии даже госдума не имеет полномочий изменять!

Бог с ними, с филологами, но доносительство — это услада доброго русского народа. Еще на школьных уроках истории семиклассник Игорек Скородумов с интересом слушал, как Инна Тихоновна, любимая всей школьной братией «историчка», рассказывала о высокой культуре Древней Руси. Особенно она восхищалась новгородскими берестяными грамотами: «Вот и бумаги тогда в обиходе не было, так люди творческие на бересте свои сказания и поэмы записывали!» — Так ей в пединституте говорили.

Уже в приступе второй молодости, вспомнив слова восторженной и добрейшей Инны Тихоновны, книгочей записной Игорь Васильевич прочитал труды раскопщика берестяных грамот академика Рыбакова и книги других историков Новгородской республики. Оказалось, к его огорчению, сказаний и поэм в грамотах не оказалось вовсе. Все они относились к сутяжничеству: в основном, по линии доносительства.

◆ На Святой Руси, затем в Московском великом княжестве, потом в Российской империи и так далее, доносы были, есть и будут непременным атрибутом общественно-личной жизни. Как только святые братья Кирилл с Мефодием изобрели нашу прекрасную письменность.

Чего хочет доносчик? — Только правды и справедливого ее воцарения «от барина». Вот, мол, прочитает грамоту, листок в клеточку из школьной тетради — придет и рассудит справедливо. Здесь величайшим бедствием стал советский все-

* Это не игровая фантазия автора: соответствующий указ сегодня по кухонному динамику в интерпретации дикторши «Радио России» слышал...

обуч двадцатых годов: все научились писать, а письmonoсицы мешками волочили на свои почты доносы. Благо, к началу сталинских пятилеток Главбумпром снабдил всю страну школьными тетрадками в клетку.

Мудрые люди пишут в своих мемуарах, что поначалу и Иосиф Виссарионович почитывал ради интереса «выбранные места из переписки», но потом махнул рукой. Дескать, когда каждый на каждого донос напишет, то интерес к этому делу пропадет. Бывший слесарь, сам грамотный в первом поколении, нарком Николай Иванович Ежов этого не понял, за что и получил свои заслуженные девять грамм в затылок.

Лаврентий Павлович, как не знавший русских обычаев, дело это прекратил, вернул из лагерей и ссылок как доносчиков, так и их «клиентов». Тут и война подоспела, бумаги у народа едва хватало на махорочные самокрутки. После войны не до доносов: надо страну восстанавливать. В «золотые» 60—80-е годы практика эта, было, перевелась. В девяностые, лихие и разнузданные, доносы некому было слать, а в братковской среде и того проще: «...Но в Кейптауне все решает браунинг, и англичане начали стрелять».

Но вот сейчас на дворе снова осень: политическая, экономическая и вообще все-народная. Жизнь как бы вернулась в хмуро-склизкую, скучную андроповщину-горбачевщину. А это есть сигнал к доносительству. Пока на местечковом уровне. Для восприятия Игоря Васильевича — университетом. Как он понимал подспудно, доносы в среде служителей педагогики и бывшей науки суть скрашивание унылого периода жизни, отчасти — сведения личных счетов, но главное все-таки стремление к усреднению. Последнее ни в коем случае не следует ассоциировать с пресловутым *egalité*, равенством, провозглашенным на развалинах Бастилии. Усреднение в современном понимании — это нивелирование всех и вся, по принципу «не высовывайся!» — под примитивно низким уровнем. То есть уровень рядовой училки: женищины-доцента или скороспелку-профессора девяностых годов из мужиков.

Это, так сказать, система внутренних доносов и доносчиков. Может, даже и полезная в том смысле, что в полном отсутствии научной составляющей деятельности современных университетов «высовываться» — все одно, что плевать колллективу училок в морду лица. Все равно как в хулиганской дворовой компании некто Петька перестанет пить водяру, курить и податливых девок щупать, а начнет учиться в школе на «отлично». Или что-то навроде этого.

Как системолог и научный классификатор, Игорь Васильевич и здесь разложил (не подумайте игриво дурного!) училок-доносчиц по полочкам: мстительные, случайные и профессиональные. Первые две категории пояснений не требуют; да и профи — слишком привычная на кафедрах и факультетах с женским училкиным преобладанием. Они, скорее, даже не чистые, корыстные доносчицы, но в каком-то смысле современные продолжатели античных вестовиц. То есть почти люди искусства.

Только такая Манька или Наташка услышат о каком-то происшествии на кафедре, так тотчас в большую обеденную пересменку бежит в главный корпус, обегает все службы с бабским персоналом и в лицах и жестах разыгрывает целые оперные действия. Ей, конечно, мало верят, но и это ведь развлечение для одуревших от переписывания idiotских бумаг по контролю повышения качества усвоения студентами... нижних административных чиновниц.

Поскольку люди с чувством юмора на кафедрах и факультетах даже сейчас не перевелись, то они на Маньках и Наташках отводят душу, провоцируя их на дезинформацию. Тот же Игорь Васильевич в минуты игривости, полюбив свою кафедральную профи, отводит ее в сторону и под страшным сектором сообщает сногшибательную новость: аспирантка Джигельдиева забеременела от доцента Галкина — отца троих детей. И жена его на соседней кафедре трудится. Манька сомне-

вается, но в тот морозный день южанка Джигельдиева пришла в трех надетых одна на другую кофтах толстой шерстяной вязки. В обед Манька мчится в главный, а на другой день по-восточному девственная до официального брака Джигельдиева ходит с красным от плача лицом, а доцент Галкин с пунцовым правым ухом; супруга его непереученная левша...

Но Маньку-Наташку от любимого дела не отучишь. Как моряка не запугаешь девятым валом и даже кораблекрушением. Или как опытного «ходока» — угрозами очередной пассии развести с женой, родить алиментного ребенка: в советское время еще и пожаловаться в партком и в профком.

◆ Но на фоне почти что дежурных, мелочных доносов раз в год-полтора в университетских буднях случаются и серьезные, с оргвыводами, в результате чего происходят передвижения в самой высокой касте главного корпуса. И они, небожители, тоже порой оказываются мало отличимыми от смертных: нижних чинов администрации училищ.

Внешне считается или кажется, что высший эшелон, если он, конечно, не наглет, не борзет в беспорядке, непотопляемый. Но это только кажется, ибо в университете все и вся проникнуты духом взаимной зависти и ненависти. Это знамение эпохи: все против всех, или по ученой латыни: «*Ното homini lupus est*» — человек человеку волк. Он же — главный закон капитализма и бандитско-воровских сообществ.

Такой фасон доносов и оформляется совершенно по-иному: вестовицицы, бегаящие по главному, те же Маньки-Наташки, доносы, подписанные руководителями кафедр и деканатов, анонимные письма — непременно, как и в тридцать седьмом году, на тетрадном листе «в клеточку» в городской сплетенный орган печати «Толоку» здесь не годятся. В крайнем случае — та же анонимка в губернские властные органы, но и те должны адресоваться по принципу «дорого яичко в пасхальный день». То есть если власть уже по каким-то другим делам взяла на подозрение университетского администратора.

Здесь вступает в свои права Интернет, против информационной массовости и влияния на умы которого — «нет приема против лома». И тот же формат, как сейчас говорят, доноса должен вписываться в рамки большого чиновничьего скандала на уровне не ниже министерского, или очередного «месячника по борьбе...».

Вот пришедший год, даром что на чертову дюжину заканчивается, ознаменовался грандиозным скандалом по части министерства образовательного, точнее — его важного структурного подразделения, где выдают всякие ученые степени и звания, то есть Высшей аттестационной комиссии, ВАК — сокращенно. Грандиозность весьма редкостного характера: попался на взяточном деле сам ее начальник. Для примера: параллельный скандал в военном ведомстве, также с увольнением «министра в пиджаке», проистек в более политкорректной форме: министра-то взащей прогнали, но все торгово-финансовые неурядки списали на «шестерок» из лихих бабенок... А тут аж с самого начальника дело закрутили!

Народ, приближенный к ваковским степенями и званиям, недоумевал, пока в «Инте» много знающие, а главное — мыслящие, люди не объяснили подоплеку столь странного действия.

...Даже последнему божу у нас известно, что в национальных республиках, как советских, так и нынешних, оставшихся за Россией, в части власти с древних времен, сейчас и постоянно дальше правят, порой сменяя друг друга, кланы, то есть рода, племена, жузы и так далее. И вот год тому с небольшим такая смена кланов произошла в одной многонациональной северокавказской республике: ушел «с должности» род-племя, правивший еще с советской поры, заступил другой.

А у них порядки феодальные: власть переменилась, так всех «бывших», даже ни-

чтожнейших чинов, заменяют своими, новыми. Единственное отличие от времен халифатов — так это еще цари запретили четвертовать «бывших»...

И тут, как назло, несчастным начальником всероссийского ведомства по выдаче степеней и званий оказался «бывшим». Понятно, что во все времена у нас, но особенно за последнюю четверть века, действует принцип: у любого прокурора на любого же чиновника всегда загодя имеется папка бумаг почти что расстрельного характера. Ибо все чиновники любых рангов сначала радуют о себе — в плане денежном, а потом о Родине — в плане утешительно-разговорном с трибун разных рангов. Дадут приказ — и прокурор, если только сам не попался, мигом такую папку представит куда надо.

Еще один важный момент: коль скоро республика, поменявшая титульно-правящую национальность, есть субъект нашей Федерации, то остракизму подлежат все чиновные «бывшие» страны, в том числе и столичные. Так и решилась участь бывшего, уже без кавычек, ваковского начальника, имевшего печальную участь принадлежать к низвергнутому роду-племени далекой от Москвы горской республики. Нашлась и заветная прокурорская папка — дело с надписью: «Хранить до востребования».

◆ Понятно дело, что интернетовская подоплека столь громкого дела СМИ не освещалась — даже полунамеками у телерадиоведущих с присвоенными им должностями «Чуть-чуть официально оппозиционный» и «Слегка поддельвающийся под левизну/правизну». Потому снятие начальника аттестационного ведомства аранжировалось как общее наведение порядка и ликвидация распухлости 90-х годов. Был объявлен расширенный «месячник борьбы», переросший уже за календарный год.

Лихорадящей обстановкой в этом околоченом деле и воспользовались университетские «по крупному» доносчики по всей стране. И другой случай здесь им благоприятствовал. За последние двадцать лет, во-первых, число вузов в России, особенно в филиальной их части, увеличилось на порядок; во-вторых, на столько же расширился суммарный по стране высший административный персонал «храмов науки». Последний вышел «из народа», слабо остепененного; наконец, прежний, еще советской закалки и остепенения, высший персонал ушел по возрасту на заслуженный отдых.

Поскольку же высшие университетские чины — проректоры и начальники управлений, включая главного завхоза и завгара — люди сугубо занятые, помнящие из своей школьно-вузовской учебы преимущественно таблицу умножения и недавно приобретенные навыки написания приказов, то заниматься им написанием диссертаций недосуг.

Дается команда сверху. Без всякой ажитации находится нужный человек, который все это и делает. Как правило, но обычно стопроцентно, диссеры на заказ стряпаются по откровенно болтологическим дисциплинам: экономика, политология и юриспруденция. Педагогика тоже.

Это, конечно, большая честь для исполнителя доверительного заказа, равно как и ответственность. Но халтура в псевдонаучном мире, а равно как и в любом другом в нашем отечестве, давно стала *modus vivendi**, поэтому даже «высококазанные» диссертации сочиняются по принципу вырезок и склеек. Тем паче в болтологических дисциплинах: трудно при реальном отсутствии экономики, педагогики, политики тем более, что-то новое сочинить!

Еще вероятнее, что задумавшие свалить малоугодного им проректора или начупра, перекупают исполнителя, и тот уже нарочито составляет диссер из кусков уже защищенных, даже не вставляя слов-связок.

А вот дальше, согласно новым правилам ВАК'а, диссертация публикуется на нужном сайте — и тотчас в обновленную аттестационную контору, работающую

* Образ жизни (лат.).

в режиме «месячника борьбы», следуют грамотно составленные доносы с подробным указанием: откуда взяты без изменения единого слова и цифри целиковые параграфы и главы. И итог закономерный: ректор на месяц уезжает в командировку, проректор по науке, подписавший «добро» на защиту, уходит на больничный. Даже не думая, несостоявшийся обладатель научной степени приносит скорбно поджавшей губы кадровичке заявление по собственному... Никто не отговаривает, все молчат. Только завгар, претендовавший было на доктора политических наук, выпив под уикэнд с подчиненной ему шоферней, обронит: «Нет, ребята, надо завязывать с енттой самой сучьей наукой. Правильно моя говорит: воруй и пей в меру, а в игры всякие бумажные — не смей! А то я устрою тебе бабий бунт: вместо трех раз за ночь — один в квартал...».

Доносы — дело тонкое, политическое, но оздоравливает атмосферу в коллективе.

◆ Неофициальная должность блокляйтера, а на отечественной фене — смотрящего в камере, явление в вузах достаточно новое и возникло в целях дисциплинирования разболтавшихся в период демократизации девяностых годов студюзов, преподав и сотрудииков. Но почему этот термин на немецком? — А здесь все из того же телевизора. Когда исполняется очередной юбилей выхода на экран «Семнадцати мгновений весны» — Игорь Васильевич любит вспоминать на людях эту прибаутку, которой причастные коим-то боком к созданию сериала веселят народ: дескать, насмотревшись на стройных и подтянутых актеров в ролях эсэсовцев, молодые офицеры на Лубянке — в отсутствии начальства приветствовали друг друга целканьем каблуков и шутильвым «хайль!».

...Так и в вузах в последние десять-пятнадцать лет появились на административных должностях выслужившие пенсион фээсбэиники-кагебешники. Относительно моложавые, подтянутые, да еще занявшие должности по дисциплинирующей части, они как нельзя больше соответствовали звучнолающей немецкой командной лексике. Так с легкой руки, точнее — языка, Игоря Васильевича и прижилось в университете неофициальное название должности: блокляйтер! Он же вполне допускал, хорошо зная историю отечественных, еще от царей, вузов, что блокляйтеры и по своей основной должности являются официально назначенными смотрящими за благонравием и благонадежностью в университете. Ведь бывших чекистов не бывает!

Появление категории блокляйтеров в их университете Игорь Васильевич осознал одним из первых в преподавательской среде, когда узнал от кафедральной доцентши-вестовщицы о назначении проректором по общим вопросам своего давешнего знаконца по «Меткости» Василия Васильевича Гаврюсева. В НПО Вась-Вась, по тамошнему прозвищу, начальствовал в отделе режима секретности и ни от кого не таил свое офицерское звание с «погонами голубыми». А через пару дней в коридоре главного корпуса и самого полковника в запасе встретил. С непритворной искренностью поздоровались, тройку минут повспоминали трудовые будни в орденоносной «фирме академика Гусакова». Василий Васильевич, уже успевший начерно ознакомиться с личными делами руководства и наиболее заметных профессоров, пожимая руку Игоря Васильевича на прощание («Извиняюсь, поговорили бы еще, но спешу на ректорский совет!»), сообщил, что с удовольствием будет сотрудничать, коль такие к нему дела появятся, с «гордостью нашего университета».

И, действительно, не отказывал в небольших просьбах: подписать бумагу, разрешающую профессору Скородумову для срочной работы по подготовке к печати очередного номера своего журнала «Феномены разума: XXI век» проходить в свой корпус в воскресные и праздничные дни, все обещал давнему коллеге по «Меткости» устроить «восьмерку» междугороднюю его по-университетски экономному

телефону... Правда, в последнем случае и он, всесильный, оказался бессилён перед вузовской бюрократией подписей, согласований и разрешений.— Причем, все это обилие собранных бумаг упиралось в резолюцию мелкой начальницы по телефонному подотделу университета: «Свободных междугородных номеров нет; повторить запрос в декабре следующего года».

...Как опытный ловец человеческих душ, Василий Васильевич и после факультетского остракизма профессора Скородумова не перестал здороваться с Игорем Васильевичем, в то время как остальные университетские небожители лишь как-то неопределенно — может, например, в ухе засвербило — и издали кивали бывшей гордости вуза.

Но это все лирика, как понимал Игорь Васильевич. В части же деловой служебной официальной и блокляйтерской, Василий Васильевич использовал в полной мере свой огромный опыт. Все телефоны были поставлены на прослушку с записью. То же коснулось и университетских интернетовских сайтов.

Глухо ворчали отставники, окопавшиеся ранее на теплых местах непыльной работы: составлять графики дежурств пожилых вахтерш. Теперь тыловых ветеранов периода горбачевского уничтожения армии нарекли службой безопасности, обрядили всех вахтерш в полувойенные мундиры. Главное — сейчас они под угрозой увольнения должны были «звонить в штаб», если паче чаяния в корпус попробует войти — в форме или показав удостоверение — кто-то имеющий отношение к ныне расплодившимся службам «услуг правопорядка», как их шутковато именовали в бандитских сериалах девяностых годов.

Даже самые тупые старорежимные доценты мигом сообразили причину этого: не выносить сор из избы!

Кстати, как любит сейчас Игорь Васильевич рассказывать на банкетной части заседаний диссертационных советов, в шесть из которых он входит: «обычно я в начале декабря пишу служебку на имя ректора о допуске на рабместо в свой корпус в выходные и праздничные дни. Такое вот уже несколько лет правило: только ректор может решить этот стратегический вопрос! Он же передает эту бумажку Гаврюсеву, а тот с положительной рекомендацией — командиру службы безопасности. Последний пишет одобряющую резолюцию и передает на вахту нашего корпуса. Служебка действует календарный год. И вот в уходящий год — год моего факультетского импичмента — действую так же. Василь-Васильич подписывает и по курьерской связи передает в службу безопасности. Через неделю интересуюсь у вахтерши Наташи в своем корпусе. Та смеется и дает подшивку со служебками. Моя — сверху, а на ней резолюция начальника службы: «Разрешить. Моему заместителю Вахтангу Гогоберидзе установить круглосуточный контроль. Обо всех нарушениях режима незамедлительно докладывать мне».

...Жаль, что в самом конце уходящего года именно Гаврюсев засветился по диссертационной части и уволился. Доносчик сейчас сильнее блокляйтера!

◆ Все же сон сморил нашего профессора: даже двойного, но по научному званию, но уже не по должности. О последней Игорь Васильевич несколько не сожалел. Человек со злом в душе не засыпает, только с добродушием, ибо ночью он отдыхает. Так и Скородумов в последние минуты бодрствования отпустил всем и всея их вольные или невольные — по должности — грехи.

Кстати вспомнился и эпиграф к исторической книге давнего русского писателя, что в малолетние годы он перечитывал без конца: «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». За давностью лет, точно он это предуведомление к занимательному роману не помнил, но было пропечатано в том смысле, что добрый, мол, наш народ: бояре и крестьяне, шиши (то есть по-нынешнему бандиты) и разбойники, стрельцы

и купцы... Вы, наш добрый читатель, извините нас за повторы, но как это верно! Как это за четыре века сохранилось и будет храниться в русском народе даже при полной американизации всего уклада нашей жизни? Мы — не западенские хохлы-бандеровцы, люто ненавидящие — бог знает за что — добродушных москалей: хотя рыло у нас и свиное, но копеечку в воскресный день нищему у церкви подадут. Мы — не опидорасевишая Европа с ее скудоумием на благие дела... да и на все остальное. Только немцы, наши лютые друзья-враги, как и русские — молодая нация, еще эту самую Европу кормит мозгóй, трудолюбием и здравомыслием.

...Жаль, конечно, что наш Фидель состарился, люди не вечны, жаль и многих других наших, что героически пали в борьбе с мироедским империализмом, но — сдюжим. Есть в народе хорошая надежда на нашего нынешнего руководителя.

«...Эх, черт, замечтался,— одернул себя двойной профессор, засыпая,— а ведь думал-то об училках, доносчиках и блокляйтерах!»

Ну, что училки? — Это же профессия. И они люди, особенно женского пола которые. Ведь вечером дома и ночью они — заботливые матери, и мужья их, когда в спальнях гаснет до утра свет, забывают свои попреки: «Ты бы вообще домой не приходила, а все занималась лекциями, зачетами, экзаменами, доработками и всей этой докужкой, что именуешь учебным процессом!»

...А супруга-училка, мигом забыв учебный процесс, становится моложавой женщиной, разгоряченными грудями и бедрами прижимается к любимому своему мужчине. В соседней же комнате их дочь, уже провожаемая до — и после школы девятиклассница, трижды за долгую зимнюю ночь слышит из-за картонной стенки «хрущевки» страстный голос матери: «А-а-а, Женчик, еще, еще...» Дочь одобрительно мысленно кивает головой: да-а, пап, мама наша — это тебе не твоя новая секретарша Танька — тощая вобла! И, тоже добродушно засыпая, дает себе честное-пречестное: никаких фитнесов и гимнастик! Хорошая училка растет! Правильная.

Штатная же кафедральная доносчица прямо из своего факультетского корпуса спешит в школу: заучиха по телефону вызвала, дескать, на вашего сына идут и идут жалобы от родителей... Ну, думает Катька-профи в автолайне, я тебе, стерва такая Мариночка Никифоровна, стукну кулачком по столу в твоей преподавательской: «Что же вы, заслуженная учительница, доносы всякие читаете!»

И блокляйтер Иванов, по-армейски бодро прошагав вниз по проспекту Ильича обычный километр от универа до дома, все же по причине доброго морозца заглянув в кафешку-стекляшку «остограммиться» почти что неподдельным «армянским», усмехается: нет, нашу не возьмешь! Работа наша такая... А вот партикулярная меховая шапка, хотя и с козырьком, раздражает. Как не раздражать, если за четверть века настоящей службы привык носить головной убор с обязательной кокардой и другими аксессуарами военного мундира!

...Добрые наши люди... такими же и дети, внуки их станут. Лишь бы не было... Но здесь в права вступила супруга. Одним мы все миром мазаны.

